

Пшидаток Амир Рашидович,

Преподаватель литературы в онлайн-школе «Фоксфорд», Краснодар

СМЕНА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПАРАДИГМЫ ГЕОРГИЯ ИВАНОВА: ОТ ЭСТЕТИЗМА К АНТИЭСТЕТИЗМУ

Аннотация. Данная статья прослеживает трансформацию мировоззрения Георгия Иванова от эстетизма к антиэстетизму. Выявлен культурно-философский генезис эстетизма в западноевропейской культуре (Ницше, «проклятые поэты»), его эпистемологические черты, и неизбежность трансформации в свою противоположность, вызванную нигилизмом и имморализмом данной жизненной позиции.

Ключевые слова: эстетизм, антиэстетизм, Георгий Иванов, лирика, модернизм, картина мира.

Георгий Владимирович Иванов (1894–1958) – поэт удивительной судьбы. Как замечает Н. А. Богомоллов в послесловии к первому на родине посмертному изданию поэта: «Если бы русским читателям десятых или самого начала двадцатых годов сказали, что через семьдесят лет все творчество Георгия Иванова будет высоко стоять в иерархии литературных ценностей, они бы, по всей видимости, несказанно удивились» [3].

В действительности, Иванов начал свой творческий путь как эпигон Северянина и Кузмина дебютным сборником «Отплыть на о. Цитеру» (1911), изданным, когда автору было 17 лет. К началу 1920-ых годов Иванов является уже мастеровитым, но второстепенным представителем гумилевского «Цеха поэтов», поэтом «доминирующей автологической вербальности» (Константин Мочульский) [7], мастером образцовой, предельно визуальной, экфрастической лирики, обилие которой в творчестве Иванова позволяло многим критикам, даже не лишенным вкуса (Александр Блок, София Парнок, Лев Лунц, Эрнст

Голлербах, Вадим Шершеневич и многие другие), говорить об убожестве внутреннего мира Иванова, о том, что ему нечего сказать. Современный исследователь В. Ю. Бобрецов во вступительной заметке к републикации стихов Иванова в журнале «Русская литература» (№1; 1991) резюмирует: «... стихи его, относимые к “петербургскому периоду”, в сущности ещё лишены личностного начала и остаются копиями – порой превосходными – того же Кузмина или некими “среднеарифметическими” стихами акмеиста. Словом, Г. Иванов 10-х годов – это “ещё не” Г. Иванов, он ещё “не вошел в фокус”» [2, с. 237].

Однако к началу 1930-ых (после выхода сборника «Розы») ситуация резко меняется: влиятельные эмигрантские критики (Константин Мочульский, Георгий Адамович, Петр Бицилли) признают Иванова (более известного в эмигрантской среде своими мемуарами, во многом построенными на домыслах и фальсификациях, и крайне грубой полемикой с Владимиром Сириным-Набоковым) одним из крупнейших поэтов русской эмиграции наряду с Зинаидой Гиппиус, Владиславом Ходасевичем, Мариной Цветаевой и Борисом Поплавским. Складывается характерная ивановская поэтика с ее минимализмом формальных средств, скупой лексикой, недопустимой для акмеиста музыкальностью в ущерб смыслу, почти полным отсутствием образности и сюжета, центонностью. Основой модальности художественного высказывания становятся предельное отчаяние и всеразрушающая ирония.

К 1938 году Георгий Иванов перестал писать стихи. Последним из опубликованных перед его восьмилетним «молчанием» текстом была поэма в прозе «Распад атома», в которой, по словам Георгия Адамовича, декларировалось «поражение искусства в его извечном противостоянии с реальностью. Единственное, к чему приводит тяга к идеалу, – это отчаяние и гибель» [1; 342].

В отличие от большинства русских эмигрантов, Георгий Иванов и Ирина Одоевцева вели совершенно благополучный образ жизни, завидный для

большинства их коллег-литераторов, которые за гроши подрабатывали таксистами (как Гайто Газданов) или репетиторами (как Владимир Набоков), жили в собственной парижской квартире или усадьбе в Биаррице. Чету поэтов содержал отец Одоевцевой, Густав Гейнике, владелец многих лавок в Риге. Однако во время Второй Мировой войны супруги потеряли все имущество и сбережения, после чего влачили нищенское существование в дешевых гостиницах и богадельнях. Закончил свою жизнь Георгий Иванов в интернациональном доме для апатридов (лиц без гражданства) и политических беженцев в «богомерзком» Йере душным летом 1958 года.

Георгий Иванов вновь начал писать стихи к концу войны. 2 вышедших до его смерти сборника («Портрет без сходства», 1947; «Дневник», 1958) сделали его самой влиятельной поэтической фигурой Русской эмиграции второй волны. «Ему бесспорно принадлежит бедное, потертое кресло первого поэта русской эмиграции» (Роман Гуль) [4]. «Он из глухой европейской дыры царит над русской поэзией» (Владимир Марков) [5]. Иванов имел огромное влияние на несколько поколений поэтов Русского зарубежья. Как пишет Роман Гуль, «В нашей небольшой зарубежной литературе именно Иванов *начинает влиять*. Именно у него уже есть литературные попутчики (отмечу своеобразное дарование Юрия Одарченко) и неожиданные подражатели (их не называю)» [4]. Однако не подражали Иванову, а находились под плодотворным влиянием его творчества многие поэты так называемой «парижской ноты» (Анатолий Штейгер, Лидия Червинская, Кирилл Померанцев, Игорь Чиннов). Георгию Иванову «повезло» и в историческом отношении: он один из немногих писателей Серебряного века, имеющий непосредственное влияние на современный литературный процесс (к числу наиболее значительных поэтов своего времени его причислят такие мэтры, как Инна Лиснянская, Александр Межиров, Юрий Кублановский и др.).

У современных исследователей нет возможности реконструкции религиозных и философских взглядов Иванова (если таковые вообще обладали

какой-либо системностью, цельностью и последовательностью), так как все биографические, мемуарные и собственно художественные свидетельства об этом немногочисленны и крайне противоречивы. Для зрелого творчества поэта (1920-1950-ые годы) характерна сознательная установка на амбивалентность, противоречивость, подчас заведомую алогичность высказывания (наиболее ярко проявляющуюся на гипертекстовом уровне сборника или цикла) и, одновременно, на отказ от какой-либо жизненной конкретики в изображенном мире стихотворения, иногда доходящая до совершенной деперсонализации лирического субъекта, лишённого чувств, мыслей и ценностей.

В целом, Георгий Иванов стоит особняком среди своих современников, поэтов Серебряного века, сделавших главным объектом творчества свою жизнь, причем не только предметом изображения и художественно анализа, но и материалом для трансформации («жизнетворчества») в соответствии с канонами исповедуемого эстетического направления. Хотя в молодости поэт имел строго расписанный имидж, включавший в себя и образ мыслей фата и денди, и соответствовавшие ему поведенческую модель, и костюм, и даже косметику, в сущности, Иванова (в зрелый, наиболее значимый период творчества) можно отнести к числу писателей, впервые поколебавших «священную власть Автора» (Ролан Барт, «Смерть Автора») [2, с. 367], представивших «письмо – пустым и самовоспроизводимым процессом, лишённом цели наполнить себя личностным содержанием пишущего» (там же).

Несмотря на априорную невозможность систематизации и структурирования поэтическим эпистем Георгия Иванова, несмотря на резко негативное отношение к магистральным идеологическим направлениям модернизма, которое он высказывал в своем творчестве и письмах, все же можно выделить некоторые тематические доминанты, характерные для раннего, «петербургского» периода его творчества, да и для акмеистической группы в целом.

Что не удивительно, это мировоззрение с полным на то основанием давно прозвали эстетизмом. Основоположниками этого «натуралистического» романтизма, французские декаденты (Шарль Бодлер, Поль Верлен, Артюр Рембо, Стефан Малларме) сознательно представляли красоту как единственную ценность бессмысленной человеческой жизни. Кроме актуализации гедонистической установки на переживание чувственного удовольствия как единственной достойной цели существования, декаденты декларировали (и в этом философское новаторство их художественного опыта) ценность искусства как бегства от реальности, как отрицания действительности.

Безусловно, ключевую роль в популяризации эстетизма в его декадентском изводе сыграл Фридрих Ницше. Знаменитыми стали слова немецкого мыслителя из его первого значимого трактата «Рождение трагедии из духа музыки, или Эллинизм и пессимизм»: «Существование мира может быть оправдано лишь как эстетический феномен» [9, с. 25]. Несмотря на трансформацию идеологической парадигмы Ницше в его зрелых работах вроде «Сумерки идолов, или Как философствуют молотом» (от неоромантизма и пессимизма в духе Артура Шопенгауэра к собственно «ницшеанству» – апологии пассионарной и имморальной личности и тотальной деконструкции традиционных ценностей), главных в системе «антиценностей» философа оставалось чувственное (то есть эстетическое) переживание физической силы и воли к жизни, по-шлегелевски лишенное практической нацеленности.

Так же Фридрихом Ницше были артикулированы следующие идеологемы, в последующие эпохи постоянно коррелирующие с эстетизмом: ирония, подчас доходящая до садистского черного юмора, по отношению ко всем «человеческим, слишком человеческим» социально-психологическим установкам (альтруизм, сострадание, вообще какой-либо интерес к Другому) и элитарное презрение ко всем общественно-политическим проблемам, якобы недостойных подлинного гения, подавленного экзистенциальным абсурдом собственного существования. Последняя концепция непосредственно связана с

модернистской установкой на предельное усложнение формы, отсутствие повествовательности, идейную неопределенность, которые должны сильно редуцировать аудиторию, которой адресован художественный текст.

Отношение Георгия Иванова к эстетизму не так просто, как это может показаться на первый взгляд, тем более, эстетизм – идеология иррациональная, интуитивистская и гедонистическая, чуждающаяся строгих и системных формулировок. В молодости (1910 – начало 1920-ых годы) Иванов был последователем эстетизма не только в творчестве (декларация пассивной аполлонической созерцательности, обилие абсолютно вторичных текстов – прозаических и стихотворных стилизаций, экфрасисов), но и в жизни (строго поддерживаемый имидж денди: костюм, косметика, прическа; что было объектом злых насмешек недоброжелательных критиков; известно прозвище, данное Эрнестом Голлербахом нашему поэту: «лорд Генри чухломского кустарного производства»). В зрелый период творчества (конец 1920-ых – 1930-ые годы) Иванов отказался от внешних признаков (дизайна и поведения) эстетизма, но сохранил в своей поэзии стремление к безупречной форме, хоть и передающей совершенно дионисийское (пессимистическое и хаотичное) содержание. В поздний период творчества (конец 1940-ых – 1950-ые годы) Иванов кардинально изменил отношение к искусству, многочисленны поэтические декларации этого времени о бессмысленности и нелепости творчества, которое не только дарит блаженное забвение от ужасов внешнего мира, но и привносит более острое переживание изначальной неустроенности Вселенной:

Медленно и неуверенно
Месяц встаёт над землёй,
Чёрные ветки качаются,
Пахнет весной и травой.

И отражается в озере,
И холодеет на дне
Небо, слегка декадентское,
В бледно-зелёном огне.

Всё в этом мире по-прежнему.
Месяц встаёт, как вставал,
Пушкин именье закладывал
Или жену ревновал.

И ничего не исправила,
Не помогла ничему,
Смутная, чудная музыка
Слышная только ему.

Склад мыслей позднего Георгия Иванова можно назвать антиэстетизмом, как это ни парадоксально. Антиэстетизм XX века нашел последовательное воплощение в творческой практике авангарда в виде разрушения художественных форм как таковых (отказ от мимесиса и сигнификации образов, десемантизация речи, отсутствие связного и внятного высказывания) и никак не связан с антиэстетизмом XIX века, отрицавшим имманентное значение искусства, но признававшим его функциональное значение как социологического исследования (Виссарион Белинский и критики-шестидесятники круга «Современника») или дидактического поучения и проповеди (Лев Толстой). Идея бесцельности и нелепости искусства является лейтмотивом позднейших циклов поэта («Портрет без сходства», «Rayon de gaoune», «Посмертный дневник») и проявилась в кардинальной трансформации стилистики (какофония, прозаизмы, звукоподражания, грубые пародии):

Художников развязная мазня,
Поэтов выпрeнняя болтовня...

Гляжу на это рабское старанье,
Испытывая жалость и тоску;

Насколько лучше — бляенье баранье,
Мычанье, кваканье, кукуреку.

Уход Иванова на позиции антиэстетизма кажется парадоксальным лишь на первый взгляд. Эстетизм в своей сущности идеология индивидуалистическая и материалистическая, основанная на психофизиологическом монизме и атомистической (асоциальной) концепции личности. Эстетизм отрицает традиционные атрибуты красоты (какими они были в классических эстетических трактатах от Баумгартена до Гегеля), какую-либо корреляцию красоты с истиной и нравственностью, и даже ее объективность. Для художника, наделенного философским складом ума, разочарование в эстетизме неизбежно, так как сама эта идеология (несмотря на свое название) утверждает бессмысленность и бесцельность искусства.

Список литературы:

1. Адамович, Г. В. «Розы» Георгия Иванова / Г. В. Адамович. Литературные заметки (в 5 т.). – Санкт-Петербург : Алетейя, 2002. – Т. 2. 1928–1931. – С. 342–344.
2. Барт, Р. Смерть Автора / Р. Барт. – Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1990. – С. 362–374.
3. Бобрецов, В. Ю. О стихах Георгия Иванова / В. Ю. Бобрецов // Русская литература. – 1991. – №1. – С. 235–243.

4. Богомолов, Н. А. Талант двойного зренья / Н. А. Богомолов. Русская литература первой трети XX века. – Томск : Водолей, 1999. – Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/russkaya-literatura-pervoj-treti-xx-veka-read-287280-1.html> (дата обращения: 24.04.2023).

5. Гуль, Р. Б. Георгий Иванов / Р. Б. Гуль. – Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/georgij-ivanov-read-48044-1.html> (дата обращения: 24.04.2023).

6. Марков, В. Ф. О поэзии Георгия Иванова / В. Ф. Марков. – Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/o-poezii-georgiya-ivanova-read-172687-1.html> (дата обращения: 24.04.2023).

7. Бицилли, П. М. Георгий Иванов. Отплытие на остров Цитеру. Избранные стихи / П. М. Бицилли. Трагедий русской культуры – Москва : Русский путь, 2000. – С. 465–468.

8. Мочульский, К. К. «Розы» Георгия Иванова / К. К. Мочульский. Кризис воображения. Статьи. Эссе. Портреты – Томск : Водолей, 1999. – Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/krizis-voobrazheniya-read-229867-1.html> (дата обращения: 24.04.2023).

9. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки, или Эллинство и пессимизм / Ф. Ницше – М.: Ad marginem, 2001. – 736 с.